

Инга Лиман

ОТРАЖЕНИЯ

Инга Лиман

Отражения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68453984

SelfPub; 2022

Аннотация

Сотни лет назад на каменистых пустошах жили племена людей-муравьев. Могущественные жрецы повелевали в этих землях, и когда жреческий клан иссяк, последний из них унес в могилу великие тайны, а племя исчезло. Лиз и Олав – охотники за сокровищами и расхитители гробниц. Их цель – могильник таинственного племени. Они многое знают о предстоящем задании, они хорошо экипированы, и они отличная команда. Никто из них не верит в мистику, они не боятся трудностей. И все же кое-что непредвиденное начинает преследовать их с первых шагов в пещере и заставляет делать главный выбор своей жизни. Никто из них не был готов к такому исходу.

Инга Лиман

Отражения

Летняя жара экваториальной ночи дрожала над землёй. Трещали цикады. В темноте едва угадывался силуэт мужчины, и его резкие движения, торопливые нервные шаги делали ночь тревожной. Он спешил на взлетную площадку, чтобы поскорее устроиться внутри безопасной машины.

Где-то за его спиной мигнули два огонька. С едким шипением вспыхнули синие ромбики на сетке рабице.

От шорохов мужчина пустился бежать, и уже не слышал, как о землю ударила трещотка, и по земле поскакали отголоски с неожиданным, будто обрезанным финалом. Звуки стихли.

Пилот врезался в борт машины и рванул дверь, забрался на сиденье, торопливо запустил двигатель, свет, связался с диспетчером... И вот вспыхнули прожекторы, разрыхляя небольшой пяточок с огромным поблескивающим вертолетом, а редкие глубокие выдохи, как уханье полуночной совы, рубанули небо большими лопастями.

– Saluton, дружище! – прогремел мужской голос позади пилота. Он вздрогнул, зло ругнулся и с силой ударил себя по коленке.

– Ну какого черта, Олав! Это обычный полет, санкционированный вылет, нахера ты дрессировку устраиваешь?

– Это эсперанто, знаешь, что это? – продолжил пассажир дальше заговорческим шепотом без пауз. – Я рад, что тебе понравился наш шпионский забег! Клянусь, ты и не понял, откуда мы взялись. Ха-ха-ха!

– Идиот. И как тебя Лиз терпит. Привет, Лиз.

На сиденье сзади расположился яркий блондин атлетического сложения, рядом – худощавая девушка с выразительными глазами. Молодые люди были пристегнуты, между ними громоздилась аккуратная кучка рюкзаков, и оба улыбались, как победители Трансконтинентальной лотереи.

– А твоими клятвами, Олав, сыт не будешь, – пилот хмыкнул и скривил губы, изображая усмешку.

– Еще бы, мы же тебе не клятвами платим, – Олав рассмеялся и подмигнул спутнице, в ответ она протянула палец для хлопка и оголила белоснежные острые зубки.

«Ограждение под током, отлично, а ведь могли умереть. Это первый раз за сегодня», – подумал Олав и засмеялся в голос.

– А забирать вас когда? – безжизненно произнес пилот.

– Не волнуйся, эт мы сами, – небрежно бросил мужчина и краем глаза уловил вязкий внимательный взгляд спутницы. Она не улыбалась, но ее вальяжная поза раскрепощала его.

– Лиз, у тебя далеко вода? – он блеснул своей фирменной улыбкой и поправил волосы.

Девушка отклонилась вниз к рюкзаку и протянула ему увесистую фляжку.

– А карта? – шепотом спросил он, в ответ она тихо, успокаивающе, а может быть и несколько снисходительно, погладила его по коленке.

Любая вылазка могла быть последней. Надо бы сохранять максимальную концентрацию, но Олав чувствовал, что плывет. Битые месяцы они лазили по архивам и библиотекам. Они докупили и перенастроили чертову тучу техники. Они провели целую серию предварительных разведывательных экспедиций и нашли место захоронения. Они просчитали координаты, определили порядок проникновения, разметили место приземления. Осталось только прийти и сделать свое дело! И пока не время для радости. Но Олав упивался победой. Он заерзал на месте и сцепил пальцы.

Лиз напротив оставалась неподвижной, ее профиль отражался на стекле и казался нарисованным. В нужное время она достала из накладного кармана куртки небольшой приборчик и долго вглядывалась в движение ломаных линий на экране. Как только вспыхнула красная точка, она выпрямилась и проговорила:

– Начинаем отсчёт. Я иду первой через тридцать секунд.

Команда Лиз прозвучала внезапно и жёстко. Олав автоматически подобрался, сердце шарахнуло по ребрам – глубокий вдох. Девушка двигалась медленно и плавно, как отлаженный механизм. Вместо улыбки напоследок шепнула: «Под сиденьем», – и бесшумно соскользнула в крошечную темноту.

Олав медленно опустил на пол, свесил ноги за борт вертолёта, наблюдая за точкой снижающейся Лиз. Под шум лопастей гаркнул пилоту про барыши и отделился от воздушного судна.

Время остановилось. Звонящая тишина объяла корпус. Поток воздуха снизу был такой силы, что Олав едва смог смотреть сквозь щелочки глаз на показания высотомера, но набрав полную скорость падения, он ощутил всю прелесть полета без очков. Далеко внизу вокруг фонаря Лиз рассыпалась однообразная чернота.

Он включил фонарь на шлеме, открыл парашют – рвануло, завис. Повеяло теплом, внизу зарябила ржавая поверхность. Удар. Олав сглотнул, автоматически прикидывая, что только что миновал вторую возможность умереть.

В нескольких метрах от него Лиз укладывала парашют.

*

До рассвета оставалось пара часов, но совсем скоро начнет светать. Олав осмотрелся и сверился с электронной картой. Прибор говорил, что еще минут тридцать ходу, а с нынешним темпом можно уложиться и в двадцать, и они на месте: на плато в полутора тысячах метров от уровня моря у древнего захоронения.

Ветер гонял остывшую пыль по трещинам и отполированным булыжникам этой однообразной местности, поднимая навстречу непрошенным гостям отзвуки змеиной свадьбы или хищного пира.

Для людей это место слишком дурное. Но люди-муравьи – небольшое племя знахарей и заклинателей – считали, что их души возникли из вулканической пыли в начале времен и останутся тут навеки. Так и произошло. День за днём, столетиями они сражались с ветрами и зноем, моля о жизни. И когда пришло время, последний старейшина похоронил предпоследнего в усыпальнице, набитой тайнами и мумиями, спрятал вход, а сам, чувствуя приближение смерти, доплелся до обрыва и бросился вниз к тонкой ленте горной речушки, бегущей внизу. С тех пор племя жрецов стало племенем аборигенов, ничего не знавших о великих худу.

Выжженное солнцем плато казалось серым перед рассветом. Напарники переглянулись и стали снимать рюкзаки. Лиз достала термос и налила чай в два походных стаканчика.

– Перекур три минуты.

– *Mi nepe venos*. Что значит, я обязательно буду. Эсперанто, детка, – Олав хохотнул, залпом допил чай и поднялся.

– Олав, ещё полторы минуты. Береги свой ресурс, – сухо проговорила Лиз.

– Да брось ты, полторы минуты...

Он огляделся, выискивая метку. Здесь в пыли он установил цепь датчиков, которые осталось подготовить и активировать, чтобы перекрестные маленькие взрывы открыли тайный вход.

На востоке розовым вспыхнула полоска горизонта. Вот теперь точно время пошло.

Когда от последовательных быстрых взрывов далеко внизу ухнула скала и за грязными облачками поползла волна трещин, две фигуры замерли на кромке скалы. Они внимательно следили, как медленно, с недоумением и гулким продолжительным эхом вниз посыпались куски кладки, маскирующей вход.

– Спешим, не торопясь, – поглядывал на экран Олав, – Я пошел, держи дистанцию. Готова?

Олав лёг на край плато, опустил ноги вниз и начал спускаться. Лиз приготовилась, поправила лямки рюкзака и легла на землю.

От возбуждения у нее подрагивали пальцы. Страсть ненасытна, агрессивна, всепобедительна, и пока руки скользили по веревке, пока ноги искали точки опоры, душой овладевала нечеловеческая жажда. Она первая, эта алчная командирша, ворвалась внутрь тайной камеры и распростерла свои щупальца к древним сокровищам, несметным богатствам и невиданным артефактам, еще неизъятым и эфемерным.

Олав опять шёл первым! Лиз дернула плечом, стараясь погасить неприятную волну ревности. Нет, его первенство никак ей не мешает, это сугубо из целей безопасности. Он стопроцентный компаньон. Она замедлила движения и примерилась к узкому пролому в скале. Под ней тысячи метров, тысячи, и никакие эмоции не позволят ей сделать ошибку. Она втянула воздух и окликнула Олава. Он протянул ей руку, помогая проникнуть внутрь.

В пещерке в нос ударило затхлым кислым воздухом. Из входного проема в противоположную стену тонкой полоской бил свет, скрадывая углы за клубами пыли и темнотой. Лиз достала из рюкзака фонарь и осветила вокруг.

В крохотном помещении они двое помещались только согнувшись. Справа от них сидели иссушенные мощи миниатюрной женщины в длинном балахоне: поджатые под себя ноги, кости рук, унизанные браслетами, – на коленях, волосы густыми тусклыми волнами закрывали полуобнаженный череп. Кости бликовали, и Лиз присела на корточки, направила фонарь на сморщенное лицо.

– А, – девушка вскрикнула и отпрянула.

В глазницах скелета играли живые глаза!

– Что это с ней?

Олав пригнулся к самому лицу стражницы.

– *Mi petas pardonon!* Прошу прощения, – и постучал ногтем по глазам.

– Невероятно, это зеркало. – констатировал он.

– Не пойму, как они его вставили? – в задумчивости проговорила Лиз, продолжая светить мумии в лицо.

Повисло продолжительное молчание.

– Вот снова убеждаюсь, – Олав хлопнул себя по ноге, – что мы, современное общество, здорово поглупели со времен древних цивилизаций. За что ни возьмись, не можем разгадать, как они это сделали.

– У меня ни одной идеи, это же как линза! – Лиз вопроси-

тельно посмотрела на спутника, – Веселенькое дельце у нас намечается.

– Зерцала ясные ее... Туманом рыцаря пленяют...

Девушка в ответ ехидно улыбнулась и сделала шаг назад, оступившись: по неровному полу с выбоинами перекатывались мелкие камешки. Луч света взмыл вверх, и Лиз невольно присвистнула. Свод был искусно закруглен и отполирован до такого блеска, что охотники увидели свои отражения. Симметричное изображение нечетких значков, идеальным контуром очерчивало вогнутое зеркало. Лиз поправила длинный хвост. Олав промышчал что-то нечленораздельное. Его белые мягкие волосы в рыхлом полумраке выглядели еще светлее, их отражение подрагивало, как свет лампы. Он дотронулся до головы и прищурился.

– А что это за рисунки?

– О, – Олав изобразил любовный стон, – наши любимые черепушки и обереги от духов. Я уверен, что это то, что мы искали, изображения уникальные. Нам надо найти главную камеру с захоронением какой-то женщины. Прародительницы?

– Королевы-самки? – эхом отозвалась Лиз.

– Конечно!

Лиз улыбнулась его отражению хищно и отодвинулась, направляя концентрированный луч фонаря вниз.

– Тем более, что здесь есть что-то интересное. Смотри, много, много ходов. Они идут резко под откос и очень узкие.

– Коридоры-ходы.

– Скорее всего туда просто сбрасывали тела.

– Да, это очень может быть... Мне надо некоторое время на проверку... Я опущу туда камеру. Не имело никакого смысла проделывать такую работу, взять хотя бы зеркало на потолке, чтобы просто сваливать сюда мумии рядовых служителей.

Она размышляла вслух пока разбиралась с камерами, тросами и изображением. Олав обшаривал периметр углубления и отполированный потолок.

– Наверняка они все ведут в одно место. Так, куда я могу влезть?

– Ты уверен?

Олав кивнул.

– Тогда сюда, – она указала на среднее отверстие. – Я закрепляю два троса и по два светильника. В твоём внизу пусто, в левом крайнем тоже, если они ведут в одно место, мы скоро встретимся.

– Полагаю... На все про все от силы минут пятнадцать? Объем скалы не позволяет вести длинные коридоры.

– Допускаю. А как же магия?

Олав слушал рассеянно и уже согнулся, чтобы протиснуться вниз.

– Магия всегда наступает, когда мы выбираемся с добычей, – он подмигнул и скрылся в норе.

Лиз убрала оборудование в рюкзак, осмотрелась и мину-

ту помедлила, о чем-то размышляя, переползла в центр зала и подняла точеное личико к своду. Оттуда на нее смотрела внимательная и немного грустная женщина неопределенного возраста. Лиз улыбнулась, но отражение осталось неизменным. Она вздрогнула, сделала шаг назад и перекрестила за спиной два пальца на удачу. Но спускаться не стала.

Осторожно подошла, сторонясь мумии, к разлому и высунула голову наружу. Там за отколотой кладкой висело живое небо цвета топаза, и облака скользили на ветру к далекому горизонту. Ветер касался её лица. Лиз оправилась, вернулась к тоннелям и начала спуск вниз.

Ее пологий туннель оказался длинным и узким. Камень был высечен грубо, что невероятно усложняло продвижение, и Лиз постоянно думала, как крупному плечистому Олаву дается его маршрут. Едва приноровившись к равномерным шажкам на полусогнутых руках и ногах, она почувствовала, что ей не хватает воздуха. Она потеряла счёт времени, а задержка наверху, казалось, сильно затормозила её. От мысли, что надо спешить, стало тревожно. А потом она уловила то ли шорох, то ли эхо голоса, очень далекое и напевное, и ощутила прилив давно забытого чувства: неконтролируемого страха!

Девушка ускорила движение, но получилось только хуже. Она сбилась с ритма, оступилась и потянула запястье. Время остановилось, и она чувствовала, как каждый сантиметр ее кожи покрывается липкой едкой влагой, по лбу одна за

другой стекают крупные капли пота. Только надежда увидеть впереди туманный голубой свет от лампы вселяла веру, что она не сошла с ума, что у нее все получается, как всегда. Лиз сосредоточилась на движениях и спешила. Олав, что с ним!? Может это он так зовёт её? Когда нога провалилась в пустоту, девушка чуть не расплакалась от облегчения.

Ее лампа лежала посреди большого грота и бледным пятном проявляла темные острые скаты породы и непроглядную черноту впереди. Включив фонарь на шлеме, она приблизилась к своду, куда, по ее расчетам должны были выходить все узкие норы. Так и было.

Сферические выступы размещались по стене симметрично и отражали свет фонаря, как многоглазый лик. «А вот и тупиковые ходы!» – Лиз присвистнула. Ей бы хотелось проверить их длину, траекторию, да и, пожалуй, именно там находятся рядовые захоронения. Но Олав! Шаг за шагом она начала обшаривать подножие стены.

Выступы оказались неглубокими. Открытых отверстий почти не было, и Лиз надсадно орала в каждое одно слово: «Олав!» Ее голос возвращался обратно, как пощечина.

Страх, это так мало, когда ты не один, когда впереди горит свет твоей цели, когда надежное плечо и поддержка на твоей стороне во что бы то ни стало. Но стоит голосу надежды померкнуть в застывшей тишине подземной могилы, как душу сковывает паника.

Лиз отчаянно закричала и почувствовала в голосе истери-

ку. Воображение с легкостью выдавало одну за другой невероятные картины произошедшего с Олавом.

Девушка крикнула еще раз, и долго прислушивалась к собственному голосу, отскакивающему от стены к стене. Она ущипнула себя и зажмурилась. Надо прийти в равновесие. Это всего лишь рядовая охота. В Мексике было гораздо сложнее, гробница с ловушками в аварийном состоянии, да какие-то твари бесконечно ядовитые. В Португалии они остались без снаряжения и без воды, тоже выкрутились.

Так, туннель, по которому направился Олав, был в нескольких метрах от ее, он мог уйти в сторону под большим углом, мог? Да. Лиз покрутила головой и быстро с прыжком стала исследовать пещеру. К ее ужасу, дыры выходов зияли даже у самого потолка.

Она плохо проверила информацию по камерам. Как же ей поступить?!

Тут же она притушила свет фонаря до минимума, надеясь уловить отблески лампы Олава и пошла вперед уже медленно и осторожно. Она боялась галлюцинаций, услышать что-то или отравиться каким-нибудь воздухом. Но, к ее удивлению, холодный воздух был чист и дышалось легко.

На секунду девушка отвлеклась и вдруг уткнулась во что-то мягкое, пахнущее пылью, холодное. Ее рука медленно потянулась к шлему и прибавила яркость.

Перед ней стояла иссушенная временем, сохраненная холодом и влажностью старуха с длинными клочковатыми во-

лосами. Ее глаза, два крохотных зеркала, смотрели на охотницу за артефактами. В левой руке перед собой она держала посох, длинные костлявые пальцы обвивали набалдашник с изображением муравья, а правая рука была отведена в сторону под прямым углом, как указатель. Лиз медленно развернулась в ту сторону. Бледный свет обозначил закругляющийся путь, вдоль которого одна за одной стояли женщины с зеркальными глазами.

Лиз замерла. По коже прошел холодок. Вместе со страхом, какая опасная комбинация, она ощутила восторг и не смогла сдержаться. Голова ее отклонилась назад, и она громко беззастенчиво расхохоталась. Хохот отлетал от стен, наслаивался, вяз в темноте, возвращался и обволакивал Лиз, а она все не могла остановиться.

Алчность, ощущение своего могущества, животная радость от того, что ты живой, сильный и ловкий, что ты наглый и не знаешь преград на своем пути... Ты – пружина, которую никто не сможет остановить или предугадать, никто, и уж тем более эти ветхие, пыльные пугала!!!

И она открыла рот и с угрожающим, почти бесовским смехом выпустила звонкий сильный звук: «А-аха-ха-ха».

Несколько минут ее голос затухал в отдаленном эхе, и Лиз горящими злыми глазами обшаривала стражниц.

– Ну вот, я и повеселела. Да, подружки? Позовем Олава? Девушка притушила свет. Он прошла несколько метров по памяти и увидела вдали слабый отблеск голубого света –

лампы Олава.

В несколько шагов она добежала до места, но мужчины нигде не было. Туннель имел выход в нескольких метрах от земли и был, к счастью, так же широк, как и в начале. Недолго думая, девушка окликнула Олава. Она не знала, показалось ей или нет, протяжный стон, но она тут же вскарабкалась в проем.

В норе жутко воняло. Лиз принялась в спешке натягивать маску, но та сбила фонарь на каске, он повис сбоку и нервно подергивался от каждого движения. На карачках она поднималась вверх и видела не больше метра перед собой.

Ноги Олава она скорее почувствовала, чем увидела. Мужчина лежал в скорченной позе, замерев посреди нового неудобного движения. Лиз вытянула его ноги, оголила щиколотку и нащупала пульс. Да, он жив! В одном из карманов ее штанов есть тонкая капроновая веревка, но лишь метров десять.

– Олав, – окликнула она мужчину.

В ответ ни звука.

– Если ты сейчас захрапишь, я тебе этого никогда не прощу, – с деланным весельем проговорила она.

Она быстро вытянулась вперед, легла на ноги мужчины и сначала подтянула его руки, чтобы перевязать их нежестким узлом, а затем обвила веревку вокруг ног, несколькими витками запеленывая бедолагу в податливую куклу-бабочку

Лиз развернулась головой к выходу, приложив немало

усилий, и медленно семенила на карачках.

Туннель был бесконечным. Фонарь перегорел! Лиз грязно выругалась и замерла. Ее кисти перестали слушаться. Она мотнула головой и присела.

Далекое напевное эхо резонировало в норе. Лиз прижалась к стене и прислушалась, но звуки исчезли. Ее сковывал ледяной холод и откуда-то изнутри поднимался не только отчаянный страх, но злоба и людоедский голод.

Усилием воли девушка заставила себя подумать об Олаве. В голове сильно гудело, она что было сил мотнула головой, потеряла лицо, а потом пальцы, будто сами собой, накинудись на мочки ушей, раздирая их до крови. Слабыми почти жалобными всхлипываниями она пыталась перебить навязчивое, но эхо ударяло вибрирующими волнами, сливалось в один неразборчивый звук и давило на грудь. Заложило уши. Она подтянула колени, одеревеневшими руками обхватила себя и затряслась.

Когда Лиз опомнилась, фонарь со шлема валялся рядом и испускал тусклый свет. В одной руке девушка продолжала сжимать конец веревки. Жив ли еще Олав? Если он ударился, а чтобы его вырубить, нужен был молот тора, то он может быть на последнем издыхании. Есть ли смысл тащить его вниз? Да, здесь в любом случае нечем дышать. Внизу она сможет оказать ему помощь.

А что, если все дело в этом эхе? Она не могла ошибиться, нервы у нее хоть куда, значит, оно не почудилось, оно было.

Другой вопрос: это циклично?

Она вскрикнула от внезапного осознания и хлопнула ладонью по кнопке хронометра, чтобы отметить временной порог.

До конца лаза она добралась без веревки, ее не хватило. Оказавшись в главном гроте, она старалась не смотреть на ряд мумифицированных женщин, чьи размытые очертания подрагивали в тумане света. Сиренево-желтые лучи делали их и живыми, и неживыми одновременно, и Лиз без конца приговаривала: «И не такое видали, успокойтесь».

Из рюкзака, который оставила внизу, она достала запасную веревку и вернулась в тоннель. Теперь она была уверена, что еще немного и пение повторится. Если же она окажется у шеренги охранниц, она посмотрит, что происходит там.

«Не на тех напали», – желчно процедила она, связывая два конца веревки. Но пунктик о том, что надо спешить, не давал ей покоя. Выбравшись из прохода во второй раз с веревкой в руках, она деловито подтянула перчатки, зафиксировалась ногами на краю норы и начала медленно тянуть на себя мужчину.

Когда его тело с глухим мягким звуком опустилось на дно пещеры, Лиз была мокрая от пота и еле двигалась от усталости. Ныли руки. Но времени на отдых не было. Даже не думая о том, чтобы ослабить узлы, она вынула аптечку, нашатырь, заморозку, и начала быстрый осмотр. Но Олав был цел и невредим, ни одной ссадины и кровоподтека. Нашатырь,

вот, чего оказалось вполне достаточно.

– Привет, Лиз, – хрипло проговорил Олав. – Ты слышала? Тут кто-то поет.

– И что? – она вытаращила на него глаза.

– Я испугался до чертиков, клянусь, а потом темнота. Кро-
мешная, а в конце яркий-яркий свет.

– Тьфу на тебя. Это я пела, пока тебя ждала.

– Точно. Давай-ка продолжим. Развязывай меня. А кто эти девушки?

– Хор Пресвятого Вознесения, – пробубнила Лиз. – По-
клонницы твои.

Лиз быстро собирала все разложенные вещи. Она чув-
ствовала себя вялым мясом, и лихорадочно принялась ис-
кать фляжку-sos. Достала, отпила жадно, потом несколько
маленьких глотков, села и оперлась о стену. Несколько раз
прокачала воздух через ноздри по-йоговскому способу и по-
крутила плечами.

– Олав, у нас экстренная ситуация.

– Излагай.

– Какие-то вибрации возникают через равные промежут-
ки времени и напрямую воздействуют на наше психо-эмоци-
ональное состояние. Это факты. Вот версии. Возможно, это
только в норах. Также возможно, что их действие на орга-
низм сильнее, чем мы уже пережили, и туннели, наоборот,
смягчают эти колебания. Тогда самая жуть впереди.

– А как часто это происходит?

– Не знаю, я отбила хронометраж один раз. Размер отрезка предстоит узнать.

Снова глоток. Закрывает глаза.

– Как ты себя чувствуешь? – её голос стал ровнее.

– Могло быть и получше. Мы ведь только зашли, но, – он усмехнулся и развел руками.

– Ты вообще в отключке пролежал, – голос дрогнул, прорывалось женское бессилие.

– *Mi petas pardonon!* Прошу прощения.

Помолчали. Олав поправлял снаряжение.

– Я мог умереть? – он произнёс это вкрадчиво, заговорчески и посмотрел исподлобья горящими глазами.

– Шестьдесят процентов, – Лиз выдохнула.

Олав подошёл вплотную и обнял подругу.

– Я так испугалась, это просто кошмар, зову тебя в этой темноте и ничего. А у самой сердце прыгает, я как истеричка вся на взводе дрожу и от тебя ни звука. *Diabla...*

– Дорогая! Ты снизошла до эсперанто!?! Спасибо, спасибо, спасибо. Тебе просто нет цены, подельница!!

Лиз тихо засмеялась и провела тыльной стороной руки по носу.

– Да ладно тебе, эсперанто это. Я за инглиш. Что дальше?

– Риторический вопрос. Работаем, – Олав стоял напротив и пристально наблюдал за девушкой. – Ты как?

Она подняла большой палец, по-мужски высморкалась и продолжила сухо и по делу.

– Поправка на ветер?

– Изучаем обстановку, делаем дело. А ты приглядишься к этим паранормальностям. Они тоже местное сокровище.

– Ок. Тогда нам туда, – и, махнув рукой туда же, куда и воительницы, побежала по коридору.

Неполадки и непредвиденные обстоятельства на вылазках случались всегда. На то это и охота, чтобы преодолевать совершенно непредсказуемые преграды. И Лиз неслась вперед, надеясь, что сейчас, как и прежде, совершенно переключится на тайники и сокровища. Но ожидание таинственного пения вызывало в ней судороги.

Лиз обернулась назад. Олав шел следом в своем ритме. Несколько взъерошенный и растерянный он осматривался, делал фото, выискивал детали и что-нибудь новенькое, еще невиданное и неизвестное. Была у него одна навязчивая мысль стать великим мужем от науки, обнародовать свои находки и удовлетворить манию величия. Жажда денег всегда побеждала в этой неравной схватке. И тем не менее с азартом профессионала он вновь и вновь исследовал «объекты».

Эстетика гробниц и кладбищенская романтика Лиз не волновала. Вот остренькие ощущения – другое дело: оказаться там, где нельзя, покуситься на чужое, пережить моменты страха, жажду победы, насладиться ощущением собственной власти! Вот это дело.

– Олав, – она окликнула его неожиданно в такой близости, что почти касалась плеча, – у меня плохое предчувствие. Ка-

жется, вот-вот начнётся. Если ты вырубись, что мне тогда делать?

– Нашатырь, – рассеянно ответил он, зарисовывая часть фигуры одной из охранниц, – А вообще, надо бы записать это. Сможешь?

– Конечно. Но я... у меня... – она замолчала в поисках точной формулировки.

– С нашим оборудованием, здесь и так клад можно насобирать. Доставай микрофон, настрой технику, – продолжал Олав.

– Я все больше думаю, выжить бы, – она пробубнила в нос.

Пальцы деревенели, дыхание учащалось. Лиз сглатывала бесконечную слюну и возилась с внешним микрофоном. Она поглядывала на партнёра и заставляла себя улыбаться. Её ведь всегда умиляла эта кропотливая возня...

Вдруг Лиз беспомощно заморгала и задвигала руками в поисках опоры: к ее горлу подступил комок, по коже пробежала ледяная волна. В этот же миг туманный свет задрожал, будто осыпаясь на землю множеством монохромных пикселей, но она различила, как упал Олав, и мелкие подрагивающие судороги обезобразили его прекрасное лицо. Пальцы нащупали кнопку на часах, непослушные, скользнули, все-таки нажимая. Она повалилась на пол.

К своему несчастью, Лиз была в сознании. Она ощутила арктический холод, тело парализовало, тяжелый плотный воздух едва проникал в узкие ноздри. Из глаз бесконтрольно

лились слезы, теплые и тяжелые, как кровь.

А вокруг обволакивали тихие женские голоса. Они вступали каждый в свою партию по особой очереди с разными громкостью и тембром. Они звучали совсем рядом, накатывали подобно волнам. Они касались её кожи, трогали волосы, сдавливали, сдавливали, сдавливали голову. Лиз хотела только одного: пощады. Жить!

И минуты гипнотического пения не прекращались. Все исчезло: ощущение времени, темнота или свет, память о солнце. А песня осталась, и Лиз казалось, что женщины из племени муравьев запеленывают ее в свои волосы, чтобы похоронить здесь заживо.

Тишина вернулась не сразу. Голова кружилась, Лиз медленно приподнялась на локте и снова нажала на кнопку. Звуковая атака длилась пять минут сорок пять секунд. «Приехали, атрофия мозга! Пациент скорее жив или скорее мертв?» – у девушки затряслись губы. Ползком она добралась до Олава и поднесла ему нашатырь. Никакого эффекта. Пульс угасал. Она заплакала, собралась, хлюпая носом прильнула к нему, начиная искусственное дыхание и массаж сердца. Для запуска сердца необходимо двадцать пять-тридцать минут, больше – бесполезно, но сейчас ей все равно. Она готова делать его до конца своих дней.

– Давай, – нажала, – Олав... вставай... и возвращаемся... вернуться... живыми... молодыми... это лучше всего... Олав... Олав... Олав...

Он закашлялся, перевернулся на бок, долго лежал, сжимая голову руками и сел.

– Ты знаешь, я странную женщину видел, она стояла у зеркала.

– Там дальше есть зеркало, – безжизненно ответила Лиз.

Она отползла к рюкзаку, быстро неуверенно разбирала снаряжение, и часто оборачивалась к напарнику.

– Олав, уходим. Олав? Ты как?

– Что? – мужчина крутил головой и бесцельно водил вокруг пустым взглядом.

– Это второе предупреждение. Помнишь, мы с тобой договаривались ловить знаки. Надо уметь делать выбор. Что может быть доходчивей, ты бился в конвульсиях!

– Да, я, наверное, понимаю, детка... Но я ничего не помню. Ведь мы только пришли. Верно?

Он прислонился к стене и часто моргал.

– Но, видишь ли, тут совсем рядом сокровище, – он по-мальчишески обезоруживающе улыбнулся и изо всех сил принялся тереть лицо.

– Которое нам не хотят отдавать эти ведьмы! – злой, металлический голос прозвучал, как удар хлыста. – Мы вырвем у этих трупиков их добро, Лиз, мы станем знаменитыми, – Олав ехидно тоненько засмеялся. Лиз замерла. Её передернуло.

– Ты не в своем уме, Олав? – по слогам прошептала она. – Ты тронулся?

– Ты тронулся...ты тронулся... ты тронулся.... – побежало эхо по коридору от мумии к мумии.

– Лиз, – Олав отшатнулся от стены и развернул к девушке искаженное лицо.

Под носом – размазанная еще глянцевая кровь, правый глаз скошен набок, на щеке длинная матовая ссадина.

– Помоги мне! Ну помоги мне, мы же за этим пришли, детка! Давай вырвем из их лап свою добычу! Ну, легко, весело, упруго, а? Ну мы только зашли, ну чего ты?

Лиз молчала. Каждый грабитель однажды может напороться на свой клад – место, которое ему не дастся, такая заветная неподъемная цель. И после него все меняется в привычной жизни.

И для неё сейчас все стало пустым.

Она обвела его лицо медленным пристальным взглядом, подтянула флягу с водой и, плеснув немного себе в ладошку, обтерла его.

– Хорошо. Но это будет последний подход. Ты согласен?

После продолжительного молчания мужчина кивнул.

– У нас полтора часа. Давай тогда приступим к поискам жреческого зала. Вода. Пей.

Все еще медленно, на вялых ногах они направились по округлой галерее, где вдоль стен стояли женщины с вытянутыми руками, и в их зрачках плясали разноцветные отблески света.

Затем коридор расширился, и охотники оказались в про-

сторной искусно убранный галерее. Темная и безжизненная она манила скрытой тайной, загадкой расположения предметов и ощущением того, что Лиз и Олав разминулись с пышной процессией всего на считанные минуты. Отражения живых были смутными и едва мелькнули в огромном выпуклом зеркале. Его обрамляли яркие рисунки, как и на зеркале в верхней пещерке, расположенные в несколько рядов. Девушка непроизвольно отпрянула. Олав подошел ближе и пристально посмотрел на своего двойника.

Стены вокруг и напротив были глухими, гладко отполированными. По бокам зеркала стояло несколько резных стульчиков. Сантиметр за сантиметром, щель за щелью Олав изучал каменные стены и пол.

Девушка поднялась и прошла вперед. Галерея с зеркалом переходила в узкий коридор, симметричный тому, откуда они пришли, и охотница совершенно не удивилась, обнаружив и здесь стражей-охранников.

Это был строй одинаковых мужчин, с забранными назад волосами, в длинных прямых рубахах, с копьями в руках. Их левые руки были вытянуты в сторону зеркальной галереи вместо указателей, правые – сжимали заостренные палки. В зеркальных зрачках широко открытых глаз отражалось напуганное лицо незваной гостьи.

Пройдя до конца коридора, она вышла в пещеру с норами. Еще дальше по ходу движения, скорее всего, было место, откуда она вылезла. Пещера выглядела первозданно, здесь

дышалось полной грудью, и Лиз не хотелось думать, что она не может, пока не может, ухватиться за край своего троса, торчащего, как и несколько часов назад из хода, и запустить кнопку автоматического подъема наверх. К привычной, так любимой ею жизни.

Бегом она бросилась назад. Ей не нужно было смотреть на часы, чтобы понять, что время, отпущенное ею для разведки, открытия тайников и наполнения багажа, подходит к первой трети, уже нужен результат.

Но Олав все шарил вокруг зеркала.

– Ну что? – с раздражением выпалила девушка.

– Ищу, Лиз, ищу.

Она помедлила, прислушиваясь к себе. Раздражение. Злость. Эти чувства обрушились стоило только увидеть неторопливые движения Олава. И вот они уже клочкотали внутри.

Лиз бросилась вперёд, подняла один из стульчиков и с размаху бросила об стену. Стул разлетелся на куски. Без промедления она подхватила следующий и запустила им в центр собственного отражения.

– Лиз! – услышала она дрожащий голос Олава.

Увесистый предмет будто замер у кромки выпуклого стекла, а потом исчез в брызгах расколотого зеркала. Еще миг и все остальное стекло водопадом острых крошек опустилось вниз. Грабители отскочили в последнюю минуту и загородили лицо руками. Когда они открыли глаза, перед ними зияла

дыра, наполненная темнотой и запахом сладкой трухи. Мужчина и женщина переглянулись и рванули внутрь.

Это был огромный зал. Где-то вдали на возвышении стояли пять фигур. В нескольких метрах от них, как множество пузырей, торчали спины сидящих на карачках людей. Они примыкали друг другу так плотно, что между ними не было прохода. Это было кладбище трупов и после смерти поклоняющихся верховным жрецам. Больше в зале не было ничего!

– А где сокровища? – простионала Лиз. – Здесь только мумии!

Олав кинулся в конец зала к возвышению со жрецами. Он постоянно оступался и под характерный хруст, поднимая облако пыли, двигался вперед.

Лиз врубила прожектор на полную и светила по стенам, полу, потолку.

Плоские ровные стены с выемками для факелов. Высокий, недостижимый для ее прожектора потолок. Ни одной ниши или углубления. Не было даже зеркал! Она перевернула одну из мумий, но ее надежда найти украшения не оправдалась. Тогда она расшвыряла сгорбленных мумий, скорчилась, обыскивая каждый метр пола. Но это бы только камень, бесконечный твердый неподатливый массив каньона!

Обыскав зал по периметру, она не нашла ничего, что могло бы раскачать ее чутье и указать на тайник.

– Может быть под жрецами что-то есть? – донёсся крик

Олава.

– Ноль! Ноль!!!

Мужчина запрыгнул на возвышение и стал обыскивать высокопоставленные фигуры. Одна, вторая, подошел к центральной – женщине в длинном голубом саване и поднятыми ввысь руками. В одной из них она держала зеркало.

Мужчина осторожно подошел к жрице и начал медленно вынимать из ее сухой ладони артефакт. Лиз приблизилась вплотную и неотрывно следила за его действиями.

Зеркало не хотело поддаваться на усилия, плотно сидело, кисть мумии сжимала его мертвой хваткой. И вот рывок, и предмет перешел к Олаву. Он перевернул его, и два лица попали в раму из магических рисунков третьего зеркала. Напряжение, усталость и недоумение исказили молодые и еще недавно уверенные лица. Губы обоих были плотно сжаты, глаза наполнены яростью и гневом, такие одинаковые они казались отдельными и чужими.

– Третий раз я смотрю в эти отравленные стекляшки. Хватит! Уходим!

Лиз спрыгнула с возвышения и, перескакивая через благоговейно склоненных рабов, поднимая, как и Олав, густые облака пыли, почти бежала к выходу.

И только шелест осколков заставил ее обернуться: Олав остался на месте.

– Тут есть еще что-то во второй руке, – он говорил негромко, но девушка слышала его прекрасно.

– Олав, – в тон ему ответила Лиз, – нам пора. Неужели ты не понимаешь?

– Мистер Грегорсон сказал, что, если я принесу ему нечто уникальное, он даст мне возможность опубликовать материалы и выступить с докладом на симпозиуме в Ницце. Я не могу уйти отсюда со стекляшкой! – проорал он и развернул к подруге перекошенное лицо.

– Даже ценой собственной жизни? – голос Лиз прозвучал спокойно и холодно.

– Мы сегодня уже дважды могли умереть еще до подземелья, это наша жизнь, Лиз! – Олав взвизгнул, – Да это все обычные волновые процессы, как они могут на нас повлиять!?

– Ты рехнулся! От них ты потерял сознание, а потом корчился в судорогах! Хватит! Я хочу, чтобы мы ушли отсюда на своих ногах, Олав! А ты мне говоришь про этого хитрого старикашку. И ты хочешь, чтобы ради этого лжеца я тут сдохла?

– Хватит Лиз! – он сглотнул, – Не уходи, мы же команда, ты же сама говорила, что мы уникальные охотники. Наш союз на вес золота!

– Ты ставишь свои амбиции выше золота, выше меня, выше нас, выше своей жизни!

Лиз орала, и в эхе ее голоса на мумиях покачивались саваны.

– Я последний раз спрашиваю тебя, Олав, ты пойдешь со

мною?

– Лиз! У нее в руке что-то сжато, помоги мне, помоги и мы уйдем!

Она застыла на месте.

– Это правда?

– Я клянусь. Ну же, помоги мне.

Лиз бросилась обратно. Она упала, вскочила и с наскоку запрыгнула на сцену. Рука жрицы, невероятно высокой и статной когда-то женщины, была поднята к куполу. Обломки правой кисти болтались. Левая рука была сжата в кулак и длинные иссушенные до черноты ногти обвивали запястье.

– Многоуважаемая жрица! – начала Лиз. – Мы пришли сюда, чтобы дать вашим магическим вещам вторую жизнь. Здесь есть минусы, а есть плюсы. Пожалуйста, отпустите ваше сокровище, теперь мы о нем позаботимся.

Голос Лиз звучал истерично и рвано, а поклон был неловким и казался пародией. Затем она подошла вплотную к мумии и обхватила ее кулак. В узкую щель между хрупкими костями она продела тонкие пальчики и с силой вырвала круглый предмет: стекло шестигранной формы.

– Вот он, – без энтузиазма произнесла она, разглядывая на ладони прозрачный шестигранник.

Олав схватил его и поднес к глазам.

– Тут должно быть что-то еще! – он визжал.

Олав навалился на мумию и повалил ее, кинулся к соседней и ухватившись за ее ветхий наряд, отшвырнул в сторону.

Он крушил все, до чего мог дотянуться от броска к броску.

Лиз смотрела на него не моргая. Ее плечи поникли, взгляд казался остекленевшим, лицо изваянным, как у статуи. Она не могла проронить ни слова, только бесконечно долго смотрела, как ее золотокудрый Аполлон растворяется в очертаниях ослепленного потерянного чужака.

– Олав, это все пустышка! Уходим! – простонала девушка.

Она спрыгнула вниз и по проторенной тропе, доламывая ветхие кости храмовщиков, побежала к выходу. Мощный удар свалил ее на полпути. Она захрипела, глаза заслонила темнота.

– Ты никуда не уйдешь. У нас контракт! Мы должны его выполнить.

Лиз молчала, она пыталась встать.

– Этот контракт закончится вместе с тобой, – этот хрип был её голосом, – Ты сдохнешь здесь вместе со с-в-о-и-м контрактом!

Лиз поползла вперед, поймала баланс, поднялась на ноги и, все ускоряясь, побежала к катакомбам.

Она не могла анализировать ощущения, взвешивать аргументы или что-то обдумывать. Совершенно иная реальность открылась перед ней и в этой реальности не было места ничему, кроме сигнала тревоги и дикого напряжения в теле, которое возникает у жертвы перед хищником и заставляет бежать из последних сил.

– Неужели тебя так легко напугать, – услышала она исте-

ричный голос в далеке.

Голос был чужим и пугающим, он подталкивал ее бежать еще быстрее, и она лишь высчитывала, какое расстояние их разделяет. Поравнявшись с последним охранником в изогнутой галерее, она вдруг ощутила смутную надежду, что может, у норы туннеля Олав передумает, и они вернутся вместе.

Она обернулась, но то, что она увидела, вселило в нее ужас. Мужчина с перекошенным лицом вырывал у трухлявого охранника его копье!

Девушка бросилась бежать. У нее было преимущество, она уже прошла этот путь, она знала его каменистые перекасты и выбоины, а Олав нет.

Но им обоим мешало одно: время, которое неумолимо приближало новую «волновую атаку». Лиз чувствовала ее кожей: волоски поднимались дыбом.

Свет ее фонаря едва рассеивал мрак. Маленький белесый круг лампы окружала плотная темнота, черный контур пульсировал, словно дышал: уходи или пропади, уходи или пропади. И Лиз неслась, как загнанная лань изо всех сил. Всего в нескольких метрах за своим сбившимся уже дыханием она слышала хриплое, но ровное его дыхание.

– Не уйдёшь. Ты никуда отсюда не уйдёшь, Лиз!!!

Она чувствовала его тепло! До норы – доли секунд. Желудок сжало холодом.

Лиз беспомощно обернулась на Олава: он настигал, его

стройные ноги замерли в широком полупрыжке, над головой занесено копьё, а на лице – гримаса с перекошенным ртом, в уголках губ белая пена, глаза заплыли от звериного наслаждения.

Лиз метнулась влево. В желудке набухла рвота, и деревенели ноги. Убегать. Усилие, обернулась.

Олав замер для броска. В глазах мелькнула легкая растерянность, еще неосознанная, внезапная предшественница чего-то необратимого.

Лиз отключила фонарь и села, прижимаясь к земле.

– Ах ты!

Возглас Олава утонул в резком свисте, а затем в раскати-стом, как сирена, пении.

Она сжалась в комочек и зажала уши руками. Тело вибрировало. Свет на фонаре Олава погас.

*

Лиз очнулась в полной темноте и долгое время не трогалась с места. В холодной каменной пещере она замерзла, но вытянула шею и уткнулась лбом в пол: голова сильно болела, горела, внутри барабанила кровь, и ей хотелось остудить ее об ледяной камень.

Вокруг царила первозданная тишина, и еще долго она боялась разрушать ее даже своим дыханием.

Когда тело начало само подниматься, она села на корточки и в нескольких метрах от себя увидела дребезжащий слабый свет – шлем Олава. Медленно подошла и подняла его с

земли.

Олав был рядом. Он лежал на боку и широко раскрытыми глазами смотрел на Лиз. Из его груди выступало тонкое древко, обрамленное черным блестящим пятном.

Лиз села рядом, и пока не погас свет фонаря смотрела, как глаза некогда любимого мужчины превращаются в зеркало.